

ВАЛЕРИЙ ЧАЛИДЗЕ

ЛЕКЦИИ
О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ
РАБОЧИХ В СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
НЬЮ ЙОРК 1976

ВАЛЕРИЙ ЧАЛИДЗЕ

ЛЕКЦИИ
О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ
РАБОЧИХ В СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
Нью Йорк, 1976

**LECTURES ON THE RIGHTS OF WORKERS UNDER
SOVIET LAW**
by **VALERY CHALIDZE**

Copyright © 1976 by Valery Chalidze

All rights reserved

KHRONIKA PRESS

505 Eighth Avenue, New York, N.Y. 10018

Manufactured in the USA

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой брошюре — сокращенная запись четырех лекций, читанных мной в 1975 г. в Эзра-Стайл колледже Йельского университета в семинаре о правовом положении социальных групп в СССР. Я намеревался было на основе этих лекций написать более подробное исследование о правовом положении рабочих в СССР, но не известно, когда это намерение реализуется; между тем, в русской неподцензурной публицистике эта тема почти совсем не освещена, а надобность в этом, я думаю, есть. Потому я и публикую эти лекции, несмотря на их явную неполноту, несмотря на отсутствие в них анализа связи правового положения рабочих с их социальным положением и с их уровнем жизни.

Советская пропаганда издавна пытается убедить публику, включая публику западную, в том, что-де если в СССР и есть притеснения, то они касаются тех, кто принадлежит к *нетрудовым* слоям населения и даже, быть может, к интеллигенции, тех, кто неодобрительно относится к так называемой *диктатуре пролетариата*, как утверждают, установленной в СССР. Рабочим же, согласно этому пропагандистскому тезису, вполне и в первую очередь обеспечены все необходимые права, в отличие от ситуации в так называемых капиталистических странах. Казалось бы, этого можно ожидать от государства диктатуры пролетариата, ибо не раз утверждалось, что в СССР существует демократия для своих, для трудящихся, а для чуждых трудящимся элементов — подавление, дикта-

тура. Это, однако, не так. Подавлению подвергаются все слои населения, просто о подавлении интеллигенции больше известно, просто на практике оказалось, и не в первый в истории раз, что основную массу трудящихся, т. е. людей средней образованности, средних интеллектуальных потребностей — легче *подавить*, легче, до определенной границы, обмануть, легче направлять их неудовольствие на другие группы населения, которые якобы и повинны во "временных недостатках".

Теперь, когда в России и из России начали быть слышны правозащитные голоса, обсуждению подвергается в основном обеспечение фундаментальных гражданских свобод, и, я думаю, временно, в стороне оставлен вопрос об обеспечении прав социальных и экономических*. С точки зрения советской пропаганды эта ситуация освещается так: гражданские свободы суть порождение системы формальной буржуазной демократии и нужны они той части интеллигенции, которая не освободилась от влияния "буржуазной идеологии"; при социализме же эти свободы в большой степени ограничены ради обеспечения социальных и экономических прав большинства населения, трудящихся. Это — видоизменение тезиса "демократия для своих, диктатура для чужих". Тезис о примате социально-экономических прав перед гражданскими и политическими настойчиво проповедуется советской правовой доктриной и пропагандой. Он оказался удобен для правителей многих "развивающихся стран" и, судя по деятельности ООН, начинает влиять на развитие международного права в этой области.

Этот тезис заслуживает критики с чисто теоретической точки зрения, так как невозможно непротиворечиво установить иерархию субъективных прав человека, — не буду развивать здесь это соображение.

С практической точки зрения критика этого тезиса может основываться на том, что в действительности со-

* Этот вопрос все же обсуждался участниками правозащитного движения. См., например, книгу Сахарова "О стране и мире", изд. "Хроника", Нью Йорк, 1976 г.

циальные, культурные и экономические права никогда не были сколько-нибудь результативно обеспечены в тех странах, в которых они ставятся на первое место сравнительно с гражданскими. Что касается, в частности, Советского Союза, то есть много данных о том, что эти права обеспечены во всяком случае не наилучшим образом, вопреки тому, что утверждает официальная пропаганда. Изучение показывает, что при всех достигнутых результатах, хвалить которые не есть моя задача, в СССР не осуществляется, например, то, что разумно называть правом на труд, правом на образование, правом на "наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья".

Правда, почти все обеспечены трудом, но не правом на труд, ибо одновременно предусмотрена уголовная ответственность за отказ от общественно полезного труда: некорректно говорить о праве, когда нет свободы выбора и даже права работать по специальности. Правда и то, что в СССР существует государственная система защиты труда, но трудящиеся лишены возможности защищать свои права, пользуясь свободными профсоюзами — профсоюзы контролируются правящей партией и государством, а организация и активное участие в забастовках уголовно наказуемы (но само слово забастовка нигде не встречается в советских законах).

Правда и то, что очень многие в СССР получают образование, но образование унифицированное, совмещенное с принудительным усвоением государственной идеологии; попытка же студента искать идеологически значимую информацию, не одобренную начальством, может повлечь и часто влечет исключение из учебного заведения (право на образование, несомненно, особенно тесно связано с правом на свободный поиск информации). В СССР нет действенной процедуры защиты права на образование в случае его нарушения.

Правда и то, что в СССР существует бесплатная медицинская помощь, но качество ее, согласно многим отзы-

вам, весьма низкое, а пользование ею тоже почти принудительное. Люди хотят заплатить за лучшую помощь, но чаще всего не могут, ибо развитие сети платных медицинских учреждений не поощряется государством.

Особенно важно, однако, то, что при утеснении прав гражданских у населения нет возможности свободно выразить свою неудовлетворенность обеспечением прав социальных и экономических. И в этом для властей — важное удобство доктрины о примате социальных прав. У населения нет также возможности законными методами активно добиваться улучшения обеспечения социальных прав. В результате властям — легче использовать для пропаганды утверждение о превосходном обеспечении этих прав, тем более что в ответ на единичные смелые возражения всегда можно воспользоваться тем фактом, что в отличие от прав гражданских в области обеспечения социальных прав труднее найти общезначимые критерии и при этом легче сослаться на трудности не правового характера, включая экономические или климатические.

Резюмируя, отмечу, что, на мой взгляд, проповедь примата социальных прав над гражданскими не более, чем удручающий пропагандистский прием, удобный тогда, когда хотят не обеспечивать достаточно хорошо ни той и ни другой группы прав, ибо без обеспечения гражданских прав можно обеспечить лишь видимость обеспечения прав социальных.

Печально, что этот пропагандистский прием применяется столь широко, что даже правозащитные документы Объединенных наций рискуют быть обесцененными принятием этой доктрины.

Критика этого тезиса о примате социальных прав весьма важна в обсуждении проблем международной защиты прав. И для этой критики весьма полезен анализ того, как социальные права обеспечены в стране, которая первая начала проповедовать этот тезис.

* * *

В этой брошюре речь идет специфически о правах рабочих как социальной группы. Не следует забывать, что

это не исчерпывает проблемы прав рабочих как граждан — все трудности с осуществлением гражданских и политических прав в СССР, разумеется, существуют и для рабочих. Напомню здесь, что политические репрессии применяются также и к инакомыслящим рабочим. Хорошо известны среди имен политических узников имена рабочих — участников правозащитного движения: Анатолий Марченко, Владимир Гершуни, Владимир Дремлюга, Виктор Хаустов.

I

Ко времени революции рабочие составляли достаточно весомый слой среди российского населения, хотя относительное количество их было меньше, чем в промышленно развитых странах. Судя по разным данным, к началу первой мировой войны в России было примерно пять миллионов рабочих, то есть вместе с членами их семей рабочее сословие, если так можно выразиться, представляло собой довольно значительную социальную группу, причем это была значительная социальная сила, поскольку рабочие, в отличие от крестьян, были более локализованы географически, составляли крупные коллективы, особенно в больших промышленных городах, и, в отличие от других многочисленных слоев населения, таких, например, как мелкие служащие и торговцы, рабочие были, пожалуй, более объединены сходством коллективных проблем и интересов. Осознание рабочими своих коллективных интересов облегчало деятельность революционеров среди них: в рабочем движении России заметно было много политических влияний.

Ощутимая борьба рабочих за гарантии трудовых прав началась практически к концу прошлого века, и уже тогда под давлением рабочего движения власти были вынуждены принять некоторые положения рабочего законодательства, которые гарантировали рабочим какие-то минимальные права в их конфликтах с нанимателями.

Я не буду здесь описывать, сколь тяжело было тогда положение рабочих: и примитивность технологии, и отсутствие заботы о безопасности труда, и хищническое отношение рабо-

тодателей, и коррупция местных властей — все это христоматийные факты (причем не только христоматийные, но и действительные факты). В этих условиях рабочим было очень трудно добиваться улучшения своего положения, особенно в провинции, где, бывало, разногласия рабочих с начальством рассматривались властями как бунт, что влекло репрессии, включая массовые административные телесные наказания.

После событий 1905 года, событий, которые многие историки оценивают как революцию, рабочие практически добились разрешения мирных забастовок и разрешения основывать профессиональные союзы. Конечно, особенно в провинции, рабочие по-прежнему часто подвергались произволу местной администрации, и защищать свои права им было не так легко. Похоже, что царская администрация не понимала, какую общественную силу представляют рабочие и как серьезны их требования, связанные с притеснениями со стороны нанимателей. Я думаю, во многом поэтому возникшие у рабочих профсоюзы часто являлись не только организациями для защиты экономических и трудовых прав рабочих, но и организациями для политической борьбы. Однако, несмотря на все трудности и отвлекающие мотивы, деятельность рабочих коллективов по защите своих прав развивалась и обещала развиваться и в будущем.

Это развитие было, однако, остановлено тем, что к власти пришли большевики, которые заявляли, что они действуют от имени рабочих, в интересах рабочих и исключительно для осуществления диктатуры рабочих. Самодеятельность рабочих в защите своих прав была практически прекращена, потому что большевики, во-первых, заявляли, что теперь они сами (их государство) будут защищать рабочих, а рабочие должны лишь повышать трудовую дисциплину и производительность труда на благо своего государства; во-вторых, большевики как бы презюмировали, что те рабочие, которые недовольны политикой новой власти, — это не просто рабочие, борющиеся за свои права, а политические враги, которые вдохновлены на эту борьбу враждебными политическими партиями. Обещания большевиков о защите прав рабочих не были совсем пустыми, какие-то меры для защиты рабочих большевики пред-

приняли с самого начала, и эти меры, я думаю, объяснялись действительными целями большевиков, а не только пропагандистскими соображениями, хотя, конечно, пропагандистские соображения в формулировке рабочего законодательства играли в Советском Союзе с самого начала очень важную роль, потому что новая власть надеялась на поддержку рабочих, в том числе рабочих на Западе. Вскоре после октябрьского переворота был гарантирован восьмичасовой рабочий день — благо, которого рабочие добивались давно. Было также введено страхование от безработицы и различные другие формы социального страхования. Но в то же время большевики подчиняли себе рабочие организации, уничтожали независимых рабочих деятелей и разгоняли независимые рабочие организации. Большевики также жестоко подавляли попытки рабочих проводить забастовки, и было объявлено, что оставление рабочего места и прогул будут наказуемы.

Было много попыток рабочих организаций бороться с новой ситуацией, и немного более подробно я буду говорить об этом позже, когда речь пойдет об истории профессиональных союзов. Теперь для иллюстрации попыток рабочих сопротивляться нарушению их прав большевиками я приведу цитату из декларации Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов, которое было проведено в марте 1918 года в Петрограде. Эта декларация вместе с протоколами заседаний этих уполномоченных была недавно опубликована в журнале "Континент" [11]. В декларации этого собрания говорится:

"Рабочие оказали поддержку новой власти, объявившей себя правительством рабочих и крестьян, обещавшей творить нашу волю и блюсти наши интересы. На службу ей стали все наши организации, за нее пролита была кровь наших сыновей и братьев. Мы терпеливо переносили нужду и голод, нашим именем сурово расправлялись со всеми, на кого новая власть указывала как на своих врагов. И мы мирились с урезыванием нашей свободы и наших прав во имя надежды на данные ею обещания. Но прошло уже четыре месяца, и мы видим нашу веру жестоко посрамленной, наши надежды грубо растоптанными."

Первые годы после революции большевики проводили так называемую политику военного коммунизма, то есть, грубо

говоря, политику террора и безусловного подчинения всех слоев населения новой власти. В трудовом законодательстве эта политика выражена в декрете о всеобщей трудовой повинности. Кодексом законов о труде 1918 года [10] была предусмотрена всеобщая повинность трудоспособного населения от 16 до 50 лет: это позволило властям привлекать к физическому труду лиц из так называемых имущих классов. Новая власть также жестоко боролась с прогулами, а участие в забастовке рассматривалось как прогул, и у рабочих практически не было возможности отстаивать свои права. Но мало того — среди рабочих было достаточно людей, верных большевикам, которые возглавили новые рабочие организации, помогавшие власти подавлять рабочее движение. В частности, на предприятиях организуются рабочие суды, которые рассматривают дела о нарушении трудовой дисциплины [12].

Некоторое облегчение в положении рабочих наблюдается после объявления так называемой Новой экономической политики (1922 г.). Это, как признавали сами большевики, было временное отступление: вопреки своей доктрине, большевики позволили частным предпринимателям восстанавливать разрушенную гражданской войной промышленность страны. На трудовом законодательстве эта политика отразилась в том, что была отменена всеобщая трудовая повинность и в целях защиты рабочих от частных предпринимателей были введены многие нормы, гарантирующие права рабочих. Некоторые из этих гарантий были связаны исключительно с НЭПом, с защитой рабочих от частных предпринимателей, но некоторые из гарантий нового Трудового кодекса 1922 года [9] остались донныне.

Поскольку во время НЭПа частный сектор в экономике был достаточно активен и рабочие нанимались не только государством, но и частными предпринимателями, то забастовки рабочих в принципе не считались недопустимым явлением, тем более что к концу 20-х годов, когда власть уже опять перешла к подавлению частного предпринимательства, изыскивались любые поводы для того, чтобы отобрать у частного предпринимателя его предприятие, и недовольство рабочих на этом предприятии было выгодно властям, как хороший повод для национализации.

Прямого запрета забастовок в Советском Союзе никогда не было. Это было бы слишком рискованно со стороны новых властителей, тем более что они рассчитывали на помощь западных рабочих. Вот как советский юрист в Энциклопедии государства и права писал о забастовках [13]:

”В СССР ни один законодательный акт о труде не предусматривает запрещения или ограничения права профсоюзов объявлять стачки. Стаечная борьба и ее возможности предусматриваются постановлениями самих профсоюзов... Согласно этим постановлениям, стачки на государственных предприятиях нежелательны и должны предупреждаться путем использования примирительного и арбитражного аппарата советской власти; право объявлять стачки принадлежит центральным руководящим органам профсоюзного движения, и стачечная борьба производится под непосредственным контролем этих органов”.

Из этой цитаты практически следует, что если рабочие протестуют против нарушения их прав и хотят объявить забастовку, то они должны урегулировать возникшие разногласия с теми, против чьих притеснений они протестуют, если это государственные рабочие. Практически и в других странах происходит так, что, прежде чем объявить забастовку, рабочие организации пытаются урегулировать с предпринимателем возникший конфликт, и только если переговоры были неудачны, тогда объявляется забастовка. Государственные рабочие в СССР на практике не имели этой возможности, тем более что профсоюзы уже тогда находились под контролем государства, а законодательство вообще молчало о забастовках. Интересно также, что в этой цитате говорится о том, что забастовки не запрещены никаким актом о труде. Советский автор выразился очень аккуратно, потому что актом о труде забастовки действительно не были запрещены, но кроме актов о труде было еще уголовное законодательство, и попытки рабочих проводить забастовку могли вызывать репрес-

сии на основании уголовного закона. Например, наказание вплоть до смертной казни было предусмотрено за подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, совершенный в контрреволюционных целях, в частности, путем противодействия нормальной деятельности учреждений и предприятий [14]. Поскольку контрреволюционные цели в те времена суды и трибуналы с легкостью усматривали в деяниях подсудимых и часто контрреволюционной деятельностью принавалась любая деятельность, которая не нравилась властям, то ясно, что эта статья о подрыве промышленности была применима к забастовщикам. К забастовкам можно было применять также другую уголовную статью — о контрреволюционном саботаже [15]. Эта статья предусматривала наказание вплоть до смертной казни за сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей с целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата.

В наше либеральное время таких уголовных статей, как я цитировал, нет, но предусмотрено наказание до 3-х лет лишения свободы за организацию, а равно активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок или повлекших нарушение работы транспорта, государственных или общественных учреждений или предприятий [16]. Насколько я способен понимать тонкости советской законодательной техники и ее скрытые цели, эта статья направлена именно против демонстраций и забастовок. Мне, впрочем, известны случаи ее применения лишь для наказания тех, кто устраивает демонстрации без разрешения властей [17] *.

* По этой статье можно наказать организаторов забастовки. Просто участники, т. е. лица не вышедшие на работу, не могут подлежать наказанию по этой статье, так как невыход на работу не есть *действие*, а лишь *бездействие*; в статье закона говорится именно о действиях, а не о *деяниях* (термин, объединяющий понятия *действие* и *бездействие*).

В советских публикациях теперь о забастовках в СССР не пишут вообще ничего: в 30-м году в Энциклопедии государства и права еще говорилось что-то о возможности забастовок в СССР, а Юридический словарь 56 года, примерно такого же объема, как и эта Энциклопедия, просто не комментирует понятие "забастовка" или "стачка" [7].

Сказать о практике забастовок в Советском Союзе что-либо определенное трудно. Иногда до меня доходили довольно правдоподобные слухи о забастовках, особенно в провинции, но я не имею никакой документальной информации об этом.

Вернусь к концу НЭПа. Практически это отступление большевиков можно считать законченным уже в начале 30-х годов. В это время по-прежнему действовал Трудовой кодекс 22 года, в котором, как я уже говорил, содержались некоторые слишком либеральные для советского законодательства нормы, и это объяснялось желанием новой власти защитить рабочих от частных предпринимателей. Хотя этот кодекс действовал и после НЭПа, но начиная с 30-х годов новые акты уже отражают тот факт, что в Советском Союзе нет частных нанимателей и есть только один наниматель — государство или, в редких случаях, общественные организации*. И если во время НЭПа предполагалось, что у рабочих с нанимателем могут быть серьезные конфликты, а главное — *коллективные конфликты*, то теперь позиция законодательства отражает презумпцию, что конфликты могут быть, в основном, индивидуальные и что эти конфликты могут иметь причиной исключительно нерадивость местных органов администрации.

* У Церкви, которая по советской терминологии общественной организацией не является, есть совсем немного предприятий, обслуживающих ее нужды. Я не знаком с организацией труда на этих предприятиях.

На этот случай предусмотрена процедура мирного улаживания конфликтов, и в некоторых случаях рабочий имеет право обратиться даже в суд. Однако никакой возможности дискутировать с постановлениями центральной власти у рабочих не было и практически нет и теперь. Между тем, именно конфликты рабочих с требованиями центральной власти приобретают большое значение, потому что очень многое в условиях жизни рабочих начинает подлежать централизованному нормированию. Так, например, вопросы о размере заработной платы разрешаются в Советском Союзе центральными органами, и директор завода обычно не вправе самостоятельно повысить зарплату для какой-то должности.

В 30-х годах издавалось много актов о трудовой дисциплине, о повышении производительности труда. В массе рабочие, конечно, не были довольны постоянным повышением требований и норм работы, и власти действовали в этой области не только принуждением, но и с помощью пропаганды. Рабочим не уставали объяснять, как важно для их блага, и для блага страны, и для блага их потомков идти на любые лишения и трудиться более активно. Власти активно использовали различные трудовые соревнования, выдвигали активистов из рабочих, которые показывали пример высокой производительности труда, добивались трудовых рекордов. Во всем этом была та особенность, что трудовые рекорды ставились не всегда честно. Власти искусственно создавали активистам лучшие условия работы и снабжали лучшими материалами и инструментами, и эти активисты в этих лучших условиях показывали лучшие показатели производительности труда. Такую нечестность можно было скрыть от западных рабочих организаций, которые, по-видимому, радовались производственным успехам в Советском Союзе, но советских рабочих, на глазах которых делались такие нечестные рекорды, было обмануть труднее. Если бы это был вопрос престижа рекордсменов-выдвиженцев, то, я думаю, советские рабочие более спокойно относились бы к такому обма-

ну, но дело в том, что как только активисты достигали каких-то более высоких показателей производительности труда, как через некоторое время с остальных рабочих начинали требовать больше, и таким образом они должны были трудиться в крайнем напряжении сил. Попытки рабочих возмущаться такой политикой и повышением норм преследовались и рассматривались как контрреволюционное противодействие стахановскому движению. Таких дел было много.

В 30-х годах в Советском Союзе был семичасовой рабочий день и пяти или шестидневная рабочая неделя. Не совсем понятно, почему власти в конце 20-х годов ввели такой порядок*, но не следует думать, что у рабочих было много времени для отдыха при таком коротком рабочем дне, потому что в то время было колоссальное количество различных мероприятий, собраний, субботников, воскресников, на которые рабочие должны были тратить свое свободное время. Но тем не менее сообщения о том, что в Советском Союзе такой короткий рабочий день и более короткая неделя, могли иметь пропагандистское значение для Запада. Однако в 1940 году рабочий день был увеличен с семи до восьми часов, а неделя была увеличена до обычной семидневной недели с одним выходным днем [19]. Самое интересное, что это увеличение продолжительности рабочего времени было проведено властями со ссылкой на пожелания профсоюзов. Я не думаю, что раньше где-нибудь когда-нибудь профсоюзы выражали пожелание увеличить рабочий день, кроме как в этом случае. В том

* Судя по всему, одной из причин разрушения традиционной рабочей недели были атеистические стремления. В массе русского населения, особенно у крестьян, считалось большим грехом работать в воскресенье. Заставить людей нарушить древний обычай было для властей важным успехом атеистической работы (в этом можно убедиться, знакомясь с атеистическими публикациями 30-х годов). Теперь уже давно неделя опять традиционная, но вот в 1975 г. *пасхальное воскресенье* было вдруг объявлено рабочим днем.

же 40-м году была принята мера, необычная даже с точки зрения советского права. Тоже со ссылкой на пожелания профсоюзов был принят указ о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и из учреждений [20]. Эта норма означала практически трудовое закрепощение рабочих в духе крепостного права, которое для крестьян было отменено в России в 1861 году*. Теперь советские историки права, оправдывая эту меру, ссылаются на предвоенную напряженность. Так это или нет — неважно, потому что даже предвоенной напряженностью, я думаю, нельзя разумно оправдывать запрещение людям покидать место работы, которое им не нравится. Я думаю, что предвоенная напряженность здесь была ни при чем, просто на многих предприятиях ощущался недостаток рабочей силы, и рабочие увидели, что они могут использовать это обстоятельство в своих интересах, благодаря чему поднялась так называемая *текучесть кадров*. Ситуация и теперь такова, что, если рабочему не нравятся условия работы, он покидает предприятие и ищет другое место, где ему будут больше платить или где будут другие, лучшие условия. Если он обратится на предприятие, где не хватает квалифицированных рабочих, то он может потребовать лучшие условия, и руководство вынуждено будет принять его на лучших условиях, поскольку они должны выполнять план, а рабочих у них не хватает. Это большое преимущество свободы увольнения, потому что, пока человек работает на определенной должности, бессмысленно требовать улучшения условий, можно лишь ждать, пока начальство по собственной инициативе их улучшит; но если человек не работает на данном предприятии, а только хочет поступить,

* Подчеркну все же, что эта аналогия вовсе не полна: речь идет лишь о трудовом закрепощении (я отвлекаюсь теперь от многих ограничений других прав). В известной мере эта оговорка касается также и положения колхозников, право которых на выход из колхоза не гарантировано поныне.

то он может в определенных пределах ставить свои условия, и начальство оказывается вынужденным иногда эти условия выполнять. Эта возможность используется рабочими в Советском Союзе и теперь, поскольку в 56-м году эта норма о закреплении рабочих была отменена [21], и мы видим на этом примере, что, несмотря на все трудности, рабочие находят способы стараться улучшить свое положение. Впрочем, власти борются с текучестью кадров.

Указ 40-го года не просто запрещал покидать работу, а предусматривал уголовное наказание за нарушение этого запрета. Интересно, как в литературе того времени юристы пытались обосновать такое уголовное преследование. Например, в одном журнале писалось, что указ издан для того, чтобы ни один жулик, в том числе и отлынивающий от работы, не гулял на свободе, а сидел в тюрьме или отбывал наказание на принудительных работах [22]. Мы видим здесь обычный механизм подмены понятий, который так широко применяется в советской юридической литературе. Указ касался рабочих и служащих, и наказанию подвергались тоже рабочие и служащие, которые самовольно оставили свое учреждение. Однако в пропагандистских толкованиях этого указа достаточно назвать этих людей жуликами, и получается впечатление, что указ вовсе не относится к рабочим, а относится к каким-то жуликам.

Вот примеры уголовного преследования рабочих и служащих по этой норме. Советский журнал "Социалистическая законность" [22] критиковал мягкость некоторых судов в отношении к таким делам. Например, критиковали суд в городе Тула, который вынес оправдательный приговор в отношении школьной уборщицы: она прогуляла шесть часов без уважительной причины, а суд мотивировал оправдательный приговор тем, что этой уборщице нужно было уйти с работы "для домашней своей жизни". Другой суд критиковали за мягкость в связи с тем, что он оправдал обвиняемого, прогулявшего какое-то время, по следующей

причине: у него "телка объелась травой, и он по заключению ветлечебницы вынужден был ее прирезать, а затем затратить время для реализации мяса, как скоропортящегося продукта".

Похоже, что судебные работники были очень недовольны этим указом, потому что на них свалилось колоссальное количество дел. Тот же советский журнал [22] критиковал прокурора Гусева в Ленинграде, который заказал в типографии две тысячи специальных бланков с трафаретной формулировкой постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. Дел таких было действительно очень много: насколько я помню по практике, опоздание на работу свыше 20 минут считалось уголовно наказуемым прогулом, и упомянутый прокурор предусмотрел, что все же не по всем случаям придется возбуждать уголовное дело, и, чтобы не писать очень много, заказал себе бланки. За это приказом Прокурора СССР он был снят с работы и привлечен к уголовной ответственности сам.

Одновременно с "закрепощением" рабочих принимаются меры для принудительного привлечения молодежи в промышленность. 2 октября 1940 года был издан указ о мобилизации рабочей молодежи [23]. Местные органы власти должны были принудительно направлять в фабрично-заводские училища определенный процент молодежи, независимо от их согласия; после окончания этих училищ молодые люди должны были отработать там, куда их направят, четыре года. В указе об этой принудительной мобилизации молодежи так объяснялись причины этой меры: "В нашей стране полностью уничтожена безработица, навсегда покончено с нищетой и в деревне, и в городе, ввиду этого у нас нет таких людей, которые бы вынуждены были стучаться и проситься на фабрики и заводы, стихийно образуя таким образом постоянный резерв рабочей силы для промышленности". Из этой цитаты как будто следует, что сам характер социалистического хозяйства требует нарушения свободы выбора рода занятий, но не будем спешить с выво-

дами: в настоящее время этот указ, слава Богу, отменен, и городская молодежь может свободно выбирать, кем стать: пойти ли на завод или пойти учиться в институт и т. д.; если и есть тому препятствия, то не законодательные.

Во время войны были изданы еще более жестокие акты в области трудового законодательства, в том числе акты о том, что уход с работы в некоторых отраслях промышленности рассматривался и наказывался как военное дезертирство. Я, однако, воздержусь здесь от обзора военно-трудового законодательства, полагая, что оно слишком специфично и не характеризует вообще положения социальных групп в стране. Я также воздержусь от его критики потому, что война порождает слишком много серьезных отступлений от идей права, и было бы неконструктивно критиковать военное законодательство в какой-либо одной области в отрыве от других областей права. Критиковать военно-трудовое законодательство трудно также потому, что, строго говоря, с точки зрения гуманитарной, я не вижу большой разницы между наказанием солдата за дезертирство и наказанием рабочего за дезертирство и считаю, что солдат имеет такое же право не хотеть воевать, как рабочий не хочет работать*. Но — это дискуссионный взгляд, я понимаю это.

После войны и в особенности после смерти Сталина советское трудовое законодательство подвергается изменениям и притом существенно в либеральную сторону.

* Мне могут возразить, что именно солдат, а не рабочий, дает присягу, обязываясь этим ко многому, в том числе и к тому, чтобы не дезертировать. Но присяга — это не свободное волеизъявление, отказ от присяги влечет уголовную ответственность за отказ от военной службы, посему это обязательство как данное под давлением — ничтожно с точки зрения моих представлений о праве, но, увы, не с точки зрения позитивного права. (Недавний пример уголовной ответственности за отказ от присяги по религиозным причинам см. в [24].)

II

В этой лекции я дам краткий обзор нынедействующих Основ законодательства о труде Союза ССР и союзных республик. [25] Это — союзный закон о труде, а в республиках есть кодексы о труде, которые дают более детальный перечень норм в этой области. Но в Основах даны основные принципы, и для моей цели теперь достаточно говорить только об Основах, не отвлекаясь на рассмотрение кодексов. Основы посвящены нормативному регулированию труда вообще, хотя в них содержатся также нормы о правах профсоюзов и процедурные нормы о разрешении трудовых споров. Я должен оговорить, что эти Основы касаются не только рабочих, но и служащих, однако можно полагать, что в большей мере изложенные там принципы значимы именно для рабочих. Тем более что не для всех категорий служащих трудовые нормы совпадают с нормами для рабочих: есть много исключений, особенно в отношении руководящего состава и интеллигенции.

Вот две первые статьи Основ законодательства о труде, которые посвящены задачам советского законодательства о труде и основным трудовым правам и обязанностям рабочих и служащих.

Статья 1. Задачи советского законодательства о труде

Советское законодательство о труде регулирует трудовые отношения всех рабочих и служащих, содействуя росту производительности труда, повышению эффективности общественного производства и подъему на этой основе материального и культурного уровня жизни трудящихся, укреплению трудовой дисциплины и постепенному превра-

шению труда на благо общества в первую жизненную потребность каждого трудоспособного человека.

Законодательство о труде устанавливает высокий уровень условий труда, всемерную охрану трудовых прав рабочих и служащих.

С т а т ь я 2. Основные трудовые права и обязанности рабочих и служащих

Право граждан СССР на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, устранением возможности хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы.

Рабочие и служащие реализуют право на труд путем заключения трудового договора о работе на предприятии, в учреждении, организации. Рабочие и служащие имеют право на гарантированную государством заработную плату соразмерно количеству и качеству затраченного труда, право на отдых в соответствии с законами об ограничении рабочего дня и рабочей недели и о ежегодных оплачиваемых отпусках, право на здоровые и безопасные условия труда, на бесплатную профессиональную подготовку и бесплатное повышение квалификации, на объединение в профессиональные союзы, на участие в управлении производством, на материальное обеспечение за счет средств государства в порядке государственного социального страхования в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности.

Соблюдение трудовой дисциплины, бережное отношение к народному добру, выполнение установленных государством с участием профессиональных союзов норм труда составляют обязанность всех рабочих и служащих.

В дальнейшем тексте в Основах детализируются те основные права и обязанности, о которых сказано в этих статьях. Уже по приведенному тексту можно оценить некоторую оригинальность подхода законодателя к проблемам трудового регулирования, в частности, то, что в обязанность рабочим вменяется не только

исправно работать, но к ним предъявляются различные требования, связанные с идеологической доктриной, связанные с презумпцией того, что рабочие заинтересованы в повышении производительности труда и в лучшей работе. Во второй статье повторяется тезис о праве граждан СССР на труд, который зафиксирован в Конституции*. Так же, как и в Конституции, здесь не говорится, что человек имеет право на труд по своей специальности. На практике отсутствие этой гарантии оказывается существенным. В отличие от Конституции, здесь не говорится о том, что труд есть дело чести граждан СССР по принципу "кто не работает, тот не ест", не говорится о труде и как об обязанности.

Согласно Основам, начало трудовых правоотношений рабочего и нанимателя фиксируется так называемым трудовым договором. Весьма важно, что законодательством предусмотрено запрещение проводить при приеме на работу дискриминацию по признакам пола, расы, национальности или отношения к религии. Эта норма советского трудового законодательства частично соответствует норме Конвенции международной организации труда 1958 г. относительно дискриминации в области труда и занятий [26]. Советский Союз ратифицировал эту Конвенцию, но, к сожалению, не все гарантии этой Конвенции предусмотрены советским законодательством, в частности, нет гарантии о запрещении дискриминации по политическим убеждениям в этой области. Это весьма печально, тем более что трудовое законодательство СССР не содержит нормы о примате международного права и ни из чего не следует в советском законодательстве, что нормы упомянутой Конвенции обязывают какие-то государственные организации к тому, чтобы не проводить дискриминации по полити-

* С т а т ь я 12 Конституции СССР: "Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу "кто не работает, тот не ест".

ческим убеждениям. Эта норма Международной конвенции важна и для рабочих, но на практике, конечно, особую остроту приобретает дискриминация по политическим убеждениям лиц интеллигентных профессий.

В Основах предполагается, что рабочий выполняет ту работу, относительно которой он заключил трудовой договор: имеются в виду использование его в соответствии с его квалификацией, специализация работы, уровень зарплаты и т. п. Права администрации перевести работника на другую работу ограничены случаями временного перевода из соображений производственной необходимости, перевода в случаях стихийных бедствий, несчастных случаев и т. п. или перевода на срок вплоть до трех месяцев на нижеоплачиваемую работу в наказание за какие-либо нарушения трудовой дисциплины.

Основы регламентируют также вопрос об увольнении рабочих и устанавливают, что администрация вправе уволить рабочего лишь в более или менее строго определенных случаях, причем при увольнении обязательно согласие профсоюзного органа. Такое увольнение может быть, например, в случаях ликвидации предприятия, систематических прогулов, которые совершает работник, в том числе в случае появления в нетрезвом виде на работе, в случае систематических нарушений трудовой дисциплины и в некоторых других случаях.

Весьма важной гарантией является признание права рабочего и служащего расторгнуть договор по собственной инициативе, предупредив администрацию за две недели.

Ряд статей Основ посвящен ограничению рабочего времени. Установлено, что нормальный предел рабочего времени — это 41 час в неделю, причем указано, что по мере создания экономических и других условий будет осуществляться переход к более сокращенной рабочей неделе. Специально предусмотрено более сокращенное время для несовершеннолетних и для рабочих вредных производств. Основы также гарантируют предоставление рабочим ежегодных отпусков и отдых в празд-

ничные дни. (Праздничных дней по закону в Советском Союзе восемь в год, однако на практике их обычно бывает меньше: некоторые праздники совпадают с субботой или воскресеньем, и тогда они фактически пропадают.)

Особые нормы касаются охраны труда в ночное время, в выходные дни и охраны труда, связанной со сверхурочными работами. Как правило, предусмотрены дополнительные выплаты за сверхурочные работы и за работу в ночное время и в выходные дни, за исключением тех случаев, когда по характеру работы она, согласно договору, проводится иногда ночью или в выходные дни.

Основы и многие другие акты регулируют принципы оплаты труда рабочих, при этом указано, что нормы зарплаты вырабатываются государственными органами с участием профсоюзов. Как правило, оплата труда производится на основе тарифных ставок, связанных с квалификационными разрядами рабочих, однако существуют и другие формы оплаты, в частности, оплата, зависящая не от того, сколько времени проработал рабочий, а от того, сколько продукции он выработал (сдельная оплата), или оплата премиальная, предусматривающая выплату определенных премий, если выполняется план, если перевыполняется план и т. п. Применение таких форм оплаты — это способ сделать рабочих материально заинтересованными в более интенсивном труде. Время от времени в Советском Союзе увлекаются идеей материальной заинтересованности, и особенно в последнее время, когда власти пытались произвести реформу народного хозяйства: пытались децентрализовать управление хозяйством, повысить материальную заинтересованность предприятий и рабочих; но это отдельная и притом экономическая тема, и я не буду останавливаться на этом.

Особая глава Основ посвящена трудовой дисциплине рабочих, в частности, указано, что рабочие обязаны работать честно и добросовестно, блюсти дисциплину тру-

да, своевременно и точно исполнять распоряжения администрации, повышать производительность труда, улучшать качество продукции и т. д. При этом законодатель повторяет идеологическую презумпцию о том, что условия для роста трудовой дисциплины на советских предприятиях обеспечиваются сознательным отношением трудящихся к труду. Впрочем, названы и другие способы обеспечения трудовой дисциплины, в частности, метод убеждения, а также поощрения и взыскания. Основы вменяют в обязанности администрации правильно организовать труд рабочих, создать условия для роста производительности труда, обеспечивать трудовую дисциплину, соблюдать законодательство о труде и правила охраны труда, внимательно относиться к нуждам и запросам трудящихся, улучшать их условия труда и быта. Это очень важные требования к администрации, и можно лишь сожалеть, что они сформулированы столь растяжимо.

Законодательство предусматривает поощрения рабочих за успехи в работе и взыскания за нарушение трудовой дисциплины, плохую работу и т. п. В качестве взысканий предусмотрено, что начальство может делать рабочему замечание, выговор, а также вправе перевести его на более низкооплачиваемую работу сроком до 3-х месяцев или даже уволить, с согласия профсоюзного органа, за систематические нарушения трудовой дисциплины. В качестве поощрения применяются премирование, вынесение благодарности, помещение фотографии на "доску почета" и т. п. Как правило, при поощрениях учитывается не только, как работает рабочий, но и то, как он себя ведет в быту и насколько он годится в качестве примера для других рабочих.

Особые нормы в законодательстве посвящены охране труда, соблюдению техники безопасности, и эта область нормирования очень сильно развита в советском праве. Об этом издано очень много нормативных актов. Правда, создается впечатление, что нормативное творчество советских юристов и профсоюзов опережает практичес-

кие возможности в этой области. В России, особенно на не очень крупных предприятиях, необычайно много безалаберности в организации труда и в соблюдении техники безопасности, и далеко не всегда выполняются самые элементарные нормы безопасности. Однако нормативное творчество в этой области весьма важно, так как в случае, если произойдет несчастный случай, нужно выяснять, кто же виноват в этом несчастном случае, какая организация должна выплачивать возмещение за полученное рабочим увечье или кого подвергнуть уголовному наказанию за этот случай. Я должен заметить, что к несчастным случаям, особенно смертельным несчастным случаям, в Советском Союзе относятся очень серьезно, и бывает так, что в результате серьезного несчастного случая смещается вся пирамида начальников на одну или две ступени ниже, т. е. могут уволить директора или перевести его на нижеоплачиваемую должность, могут уволить начальника цеха и т. д.

Основы предусматривают также ответственность предприятий за ущерб, причиненный увечьем, и систему социального страхования рабочих, причем относительно этой системы сказано, что за социальное страхование платит государство, а не рабочий.

Особая глава Основ посвящена труду женщин, в частности, запрещено применение женского труда на тяжелых и вредных работах. Предусмотрены также специальные льготы для беременных и кормящих женщин, причем беременные получают длительные отпуска до и после родов, а кормящие женщины получают право делать перерывы в работе для кормления. Очень важной для рабочих является норма о запрещении увольнения беременных женщин, и даже в случае ликвидации предприятия беременной женщине должны найти работу, чтобы она не лишилась оплачиваемого отпуска. Особые нормы предусматривают льготы для несовершеннолетних трудящихся или учащихся.

Это был очень краткий обзор тех основных конкретных гарантий по охране труда, которые содержатся в

Основах. О некоторых вопросах, связанных с профсоюзами, я буду еще говорить отдельно.

В целом, во всяком случае в сравнении с прежними советскими перегибами в этой области, Основы производят хорошее впечатление, поскольку рабочим дарованы многие важные гарантии. Конечно, можно и важно критиковать Основы за отсутствие многих других гарантий, в частности, гарантии права на забастовки или гарантии на запрещение дискриминации по политическим убеждениям. Но теперь, пожалуй, лучше обсуждать то, что есть, а не то, чего хотелось бы. В этом смысле Основы также допускают серьезную критику, и прежде всего критику в связи с принципиальной неопределенностью в формулировках многих норм. Принципиальная неопределенность — это то свойство советского правотворчества, которое я критиковал неоднократно и которое заслуживает критики и в дальнейшем, причем под принципиальной неопределенностью я подразумеваю не только грамматическую и терминологическую неопределенность, но и неопределенность, связанную с отказом законодателя предусмотреть какие-либо действенные процедурные гарантии для обеспечения того права, которое даруется.

Вот пример. Статья 9 Основ предусматривает, что запрещен необоснованный отказ в приеме на работу. В Советском Союзе на всех предприятиях есть отделы кадров или инспектора по кадрам (только в самых мелких учреждениях функции инспектора по кадрам может выполнять кто-либо из заместителей директора). Таким инспекторам обычно и принадлежит первичное решение вопроса о том, взять трудящегося на работу или не взять, причем их деятельность во многом связана с выполнением негласных инструкций. В частности, насколько можно судить, их деятельность сильно связана с обязанностью следить за политической благонадежностью тех трудящихся, которых они принимают на работу. Без сомнения, они руководствуются не только законами, но и тайными инструкциями, в том числе

партийными инструкциями, и эти инструкции недоступны для гласной проверки. Кроме того, они руководствуются просто местными соображениями о пользе для своего предприятия, и тоже нельзя проверить, не нарушают ли они при этом закон, поскольку эти соображения тоже не разглашаются. Вот пример — сообщение советского журналиста:

”На Волгоградском тракторном я наблюдал в отделе кадров такую картину. Пришел наниматься парень лет восемнадцати. Просил взять электромонтером в цех гальванопокрытий. Инспектор ответила, что электромонтеры не нужны. Требуются слесари-сборщики в сварочно-сборочном цехе. Парень подумал, подумал и согласился пойти слесарем. А полчаса спустя инспектор приняла в цех гальванопокрытий рабочего со стажем.

— Тут у нас своя дипломатия, — сказала мне она. — Электромонтера в тот цех я всегда найду. Работать там — одно удовольствие. А вот в сварочно-сборочном условия, знаете ли, не лучшие. Попробуй туда найти опытного рабочего... Обходимся молодежью...” [27]

Из этого примера ясно видно, что инспектор *соврала* молодому рабочему, сказавши, что в том цехе, в который он просился, нет мест. Строго говоря, она не нарушила закона, потому что *лгать закон не запрещает*, а запрещает только необоснованно отказывать, но человеку не сказали: ”Мы Вам отказываем необоснованно”. Ему сказали: ”Нет мест”. И так обычно и отвечают, когда по каким-то соображениям не хотят взять человека на работу. И нет никакой процедуры для того, чтобы заинтересованные лица могли проверить, обоснованно или необоснованно им отказали, правда, что нет мест, или неправда.

Вот другой пример неопределенности формулировки нормы закона. В законе запрещается применение труда женщин на тяжелых работах. Здесь совершенно не определено, что такое тяжелые работы, и хотя в ка-

ких-то ведомственных инструкциях для специальных случаев определяется, что такое тяжелые работы, на которые нельзя допускать женщин, но, вообще говоря, это понятие остается неопределенным. Остаются неизвестными критерии определения того, тяжелая эта работа или не тяжелая, и, скажем, иностранные туристы, которые приезжают в Москву и видят, как женщины вручную долбят ломами мерзлую землю, по-видимому, не могут сделать определенного заключения: либо это случай нарушения закона, либо по советским обычаям вручную долбить мерзлую землю считается работой не тяжелой. В большинстве случаев женщины выполняют довольно тяжелую работу в таких местах, где их не могут увидеть иностранные туристы; например, на сельскохозяйственных работах они таскают мешки с овощами, или на молочной ферме они вручную переносят на большое расстояние тяжелые бидоны с молоком. По моим представлениям, это — очень тяжелая работа. Но это обычная работа именно для женщин. И что бы ни говорил закон, женщины эту работу выполняют и будут выполнять. Вообще у многих есть впечатление, что самая неквалифицированная физическая работа все более становится женской долей, хотя, конечно, женщины часто выполняют и квалифицированную работу.

Подобная неопределенность в формулировке многих норм трудового права во многом обесценивает гарантии закона. Критика Основ, однако, может касаться не только самой формулировки закона, но и манеры властей издавать различные инструкции, которые фактически противоречат гарантиям закона и ограничивают права, дарованные широко опубликованным актом. Вот пример из прежних времен. В 1936 году было издано постановление об уголовной ответственности должностных лиц за увольнение или отказ в приеме на работу женщин в связи с их беременностью. Это постановление было, конечно, широко разрекламировано как новая забота правительства о правах трудящихся. Через год те же органы, которые издали это постановление,

уже без всякого шума выпустили новое постановление, в котором говорилось, что в целях правильного применения того, первого постановления не следует распространять уголовную ответственность на случаи увольнения, когда беременная женщина проработала непрерывно на государственном предприятии менее одного года или последний перерыв в ее работе был более месяца. Нужны ли комментарии?

Насколько мне известно, в современных законах нет подобной оговорки, но можно сильно подозревать, что есть неопубликованные инструкции об отказе беременным женщинам в некоторых случаях в приеме на работу.

Это обоснованное подозрение прежде всего потому, что такие ограничения льгот для беременных женщин выгодны государству. Дело в том, что многие неработающие женщины стремятся устроиться на работу, если только они забеременеют. Благодаря этому они в течение 4-х месяцев пользуются льготным оплачиваемым отпуском, а потом они увольняются и возвращаются в свое прежнее нерабочее состояние. И естественно, что предприятиям невыгодно заниматься такой благотворительностью, тем более что среди женщин, работающих на предприятии, постоянно тоже встречаются беременные и им надо платить, с этим предприятия еще вынуждены справляться, но с посторонними беременными женщинами, которые оформляются на работу только на время беременности, иметь дело совсем невыгодно. Конечно, инспектор по кадрам не будет говорить пришедшей устраиваться на работу женщине: "Мы Вас не примем на работу, потому что Вы беременны". Инспектор скажет: "У нас нет мест", или придумает какую-то еще причину.

Более известным современным примером незаконного ограничения гарантий закона является постановление ЦК КПСС и Совета Министров о направлении городских жителей на уборку урожая в помощь колхозам и совхозам [30] Несмотря на то, что в законе есть гарантия, запрещаю-

шая, за исключением специальных случаев, переводить рабочих без их согласия на другую работу, в Советском Союзе ежегодно многие тысячи городских жителей, в том числе рабочие, направляются на уборку урожая. Причем Основы гарантируют, что при необходимости перевести работника на другую работу за ним должна сохраняться средняя месячная зарплата. Вопреки этой гарантии, при направлении рабочих на уборку урожая сохраняется лишь часть зарплаты, сохраняется только 50% или в некоторых случаях 75% зарплаты. Конечно, они что-то зарабатывают во время урожая в колхозе или совхозе, но это обычно непривычный для них труд, и много не заработаешь. (Замечу здесь же, что есть особая проблема — направление студентов и школьников на уборку урожая и другие работы [32], [34]). Похоже на то, что власти стараются проводить направление городских жителей на уборку урожая так, чтобы это выглядело добровольным мероприятием. Правда, на городских жителей при этом оказывается сильное давление, включая приказы директоров, включая общественные обсуждения тех, кто отказывается ехать, включая упреки коллег (коллеги могут говорить: "Вот ты не поехал, а вместо тебя пришлось ехать больной женщине", или еще более банально: "Ведь все едут!"), так что это — "добровольность" под давлением, но давление это обычно ограничивается местными административными, партийными и общественными мерами. Централизованных преследований за отказ проявлять такую добровольность, насколько мне известно, нет. Напротив, известен случай, когда женщина была уволена по решению администрации за то, что она отказалась ехать в колхоз, но затем она была восстановлена на работе решением Верховного суда (дело Столяровой [35]). Верховный суд РСФСР так обосновал свое решение:

"Увольнение по инициативе администрации может иметь место лишь по основаниям, указанным в законе. По каким-либо иным основаниям, кроме

указанных в законе, увольнение с работы является неправомерным. Уволенный работник в таких случаях подлежит восстановлению на работе.

В законе нет указаний о том, что работники государственных учреждений, организаций и предприятий в случае отказа от направления на сельскохозяйственной работе подлежат увольнению с работы. Отказ от поездки в сельскую местность на уборку урожая мог повлечь лишь применение к Столяровой мер общественного воздействия. Помимо этого, из материалов дела видно, что Столярова страдает хроническим заболеванием. По состоянию своего здоровья она не может выехать на сельскохозяйственные работы”.

Хитро сформулировано это определение Верховного суда. Сначала говорится об общей, довольно очевидной норме, что увольнять можно только по тем основаниям, которые указаны в законе. Это действительно так, это соответствует закону, и если бы было сказано только это, то это бы означало важный прецедент для всех подобных случаев. Однако, по-видимому, Верховный суд учитывал идеологические особенности дела и не хотел дать такого прецедента. Поэтому суд не ограничился формулировкой общей нормы, применимой ко всем случаям и вполне достаточной для данного казуса, а указал нечто, касающееся только данного казуса, а именно то, что эта дама больна хроническим заболеванием. И можно себе представить, как практические деятели будут понимать и толковать это определение Верховного суда. Они будут видеть, что общий и действительно законный принцип, которым руководствовался Верховный суд, конечно, не следует явно нарушать, но в то же время они будут видеть, что в данном казусе речь идет еще и о хроническом заболевании, следовательно, общего принципа вроде бы недостаточно, поэтому неизвестно, насколько этот прецедент применим к случаям, когда отказавшийся ехать в колхоз здоров. Практический вывод для дирекции: лучше в этом случае уволить

по какой-нибудь другой причине, например, добиться увольнения по собственному желанию.

Это необычайно распространенный метод в технике формулировки судебных решений; во многих случаях мы видим, как суд формулирует общий, несомненно правильный принцип, а потом для чего-то говорит еще об особенностях данного казуса, хотя эти особенности по закону не важны для разрешения дела. И мое знакомство с советской правовой техникой и практикой подсказывает мне, что это очень удобный метод для двусмысленного толкования норм закона или решения суда.

Бывают не только инструктивные, как в случае уборки урожая, но и чисто общественные способы нарушения гарантий, данных законом. Очень часто от рабочего требуют чего-то, что явно противоречит гарантиям закона, но тем не менее вызывается производственной необходимостью, и его убеждают сделать это, не напоминая начальству о своих правах, просто потому, что так нужно для предприятия. И, как правило, рабочие мирятся с таким явным нарушением их прав, поскольку им высказаны идеологические основания полезности этого и протестовать против этого — это было бы уже в какой-то мере нелояльностью. Рабочие мирятся с нарушением своих прав еще и потому, что часто для них идеологические соображения значимы действительно. Есть даже рабочие, которые действительно считают, что они строят коммунизм и должны жертвовать собой для того, чтобы обеспечить успешное построение коммунизма. (Правда, я замечал, даже те, кто еще верит в реальность надежд на коммунизм, все же убеждены, что его строят как-то неправильно.) Советская пропаганда тратит много сил и времени, чтобы убедить рабочих в том, что жертвовать собой для построения коммунизма, для блага страны — это очень важно и важнее жертвовать собой и своими правами, чем спорить с начальством о своих правах. Помимо жертв ради коммунизма, у рабочего достаточно поводов мириться с нарушением своих прав: не всегда выгодно и не всегда безопасно ссориться с

начальством.

С проблемой принудительной добровольности рабочие и служащие сталкиваются и при проведении субботников; верю, конечно, что многие добровольно участвуют в таких субботниках, но многие — вынуждены, чтобы не рисковать получить общественное порицание или чтобы не иметь более серьезные неприятности.

В некоторых случаях гарантии в области труда обесцениваются тем, что одновременно с гарантией законодатель предусматривает наказание за то, что человек воспользуется своим правом. Так, например, закон предусматривает право рабочего расторгнуть трудовой договор по собственной инициативе. Закон ничего не говорит, как часто может рабочий расторгать трудовой договор. Он просто гарантирует право на это. Однако различными инструкциями предусмотрено, что если рабочий меняет место работы слишком часто, слишком часто увольняется по собственному желанию, то он подвергается различным наказаниям, теперь, конечно, не таким, как по указу 1940 г. Наказание довольно оригинальное. Если в течение года человек более двух раз уволился по собственному желанию, то никакое учреждение или предприятие не вправе принять его на работу без разрешения специальной комиссии; эти комиссии имеют инструкции (я читал одну партийную инструкцию об этом) направлять лиц, которые часто меняют место работы, на самые неквалифицированные и тяжелые работы. Такие люди, которые часто меняют место работы, называются на современном русском языке *летуны*. Это довольно серьезная проблема в советской жизни. Я писал о них [8] и более подробно здесь не буду на них останавливаться. Скажу только, что если такой *летун* не удовлетворяется направлением комиссии, которая послала его на неквалифицированную работу не по специальности, и не пойдет на эту работу, то этот человек окажется просто *неработающим*, а для людей *неработающих* практика знает специальные наказания .

III

Эта лекция посвящена профсоюзам в Советском Союзе. Я уже говорил, что перед революцией рабочие составляли значительный слой населения и имели опыт борьбы с предпринимателями и с государственной властью за свои права. У рабочих были свои профессиональные союзы, причем эти союзы во многом занимались не только защитой конкретных прав рабочих, но занимались также и политической борьбой, участвуя, в общем, в подготовке революции (быть может, в меньшей мере, чем это им теперь приписывает официальная советская историография). Однако настроение среди рабочих и среди профсоюзных деятелей, настроение относительно того, какой должна быть революция и какие должны быть цели революции, существенно отличалось от того, что, как оказалось, подразумевали под революцией большевики. Была радикальная часть рабочего движения, которая соглашалась с требованием коммунистической доктрины о национализации частной собственности, о переходе власти в руки рабочих, но даже так настроенные рабочие все-таки подразумевали, что революция принесет стране гражданские свободы. Как я могу судить, и рабочие, и профсоюзные деятели серьезно относились к революционным требованиям свободы слова, свободы печати, свободы собраний, организаций и т. п. Я говорю, конечно, о тех, кто сколько-нибудь интересовался существом таких лозунгов, а не был просто по инерции массовых беспорядков втянут в противоправительственную деятельность. Те же лозунги проповедывали и большевики, но когда большевики пришли к власти, то очень быстро оказалось, что эти лозунги они проповедывали в процессе революционной борьбы и

эти лозунги нужны были им для борьбы с другими партиями и для борьбы с властью, т. е. эти лозунги ценны были для большевиков, пока власть не принадлежала им. Как только большевики захватили власть, стало ясно, что свобода слова, свобода печати, собраний, митингов — это средства оппозиции к власти и они невыгодны новой власти. И большевики стали на практике отказываться от этих лозунгов, стали запрещать газеты, запрещать собрания, разгонять свободные организации.* Теоретически они не отказались от этого набора демократических лозунгов, но они стали переопределять понятия, и это было начало практики подмены понятий в области права, практики, которая за 50 лет развилась до того, что теперь принудительный труд называется добровольным. Так, например, издавая декреты о введении цензуры или о закрытии определенных газет, большевики не говорили, что они против свободы печати, они в этих же декретах говорили, что они защищают свободу печати, но экономят бумагу, или мешают пользоваться этой свободой лишь контрреволюционным элементам. Разгоняя свободные организации, в том числе организации рабочих, они объясняли это тем, что они разгоняют контрреволюционные организации для защиты права рабочих подлинно свободно создавать организации. Может быть, многих эти меры могли обмануть, во всяком случае, многих, кто не имел опыта политической борьбы и был достаточно легковерен и возбужден пропагандой большевиков. Но очень многих рабочих, тех, которые имели опыт профсоюзной борьбы с властью, такие объяснения нарушений демократических свобод надолго обмануть не могли, и они, по-видимому, вскоре поняли характер новой власти, причем недовольство рабочих усиливалось разрухой в хозяйстве, отобранием у собственников их предприятий в условиях, когда власть не могла заниматься организацией хозяйства на этих предприятиях, в результате чего рабочие оставались практически без

* Опубликовано довольно много документов об этих первых антидемократических мероприятиях большевиков. О закрытии некоммунистических газет см., например, [36].

работы. И хотя большевики захватили власть от имени рабочих и продолжали властвовать от имени рабочих, но в результате им приходилось бороться с рабочими. Собственно говоря, они боролись со всеми слоями населения, но с теми слоями населения, которые были объявлены враждебными революции и подлежащими уничтожению, как, например, с буржуазией, или духовенством, или дворянством, им было бороться легче, потому что рабочие были готовы помогать им в этой борьбе. Конечно, были практические трудности в борьбе с этими так называемыми враждебными слоями населения, но принципиальных, пропагандистских трудностей в этой борьбе не было; было заранее объявлено, что все эти враждебные слои подлежат уничтожению. Отвлекаясь, замечу, что это была очень откровенная борьба, разумеется, не основанная ни на каких принципах права, откровенное уничтожение "враждебных" слоев населения. В какой-то мере, может быть, эта борьба соответствовала революционным традициям, потому что во время революции очень часто противоправно уничтожаются слои населения, которые революционерами объявлены враждебными. Вспоминаю, например, как во время Французской революции тогда никому не известный революционер, а потом известный деятель Франции Фуше стал одним из авторов революционной инструкции, в которой говорилось, что Республика хочет видеть в своих пределах только свободных людей, она решила уничтожить всех остальных. Примерно такая же программа была у большевиков, они говорили, что они захватили власть для трудящихся, и они уничтожали всех других. Так что принципиально уничтожать враждебные новой власти слои населения большевикам было нетрудно, но была принципиальная трудность в том, чтобы бороться с рабочими. А это делать приходилось, потому что большевики требовали от рабочих безусловного повиновения новой власти, объявляя, что теперь власть принадлежит рабочим, и, следовательно, никаких противоречий у рабочих с новой

властью быть не должно, и дело рабочих — повиноваться новой власти. Большевики не разогнали профсоюзы вообще, но они объявили, что профсоюзы — это как бы передаточное звено между партией, властью и народом, и требовали от профсоюзов выполнения партийных и государственных директив. Эта доктрина о том, что профсоюзы есть промежуточное звено между народом и партией, сохранилась до сих пор, и теперь в работах юристов на эту тему любят вспоминать цитаты Ленина, который в разных вариантах выражал эту мысль, говорил, что профсоюзы — это школа коммунизма, профсоюзы — это передаточные ремни от партии к народу. И даже нынешний Устав профсоюзов [38] откровенно пишет о своем подчинении коммунистической партии: "Профессиональные союзы проводят всю свою работу под руководством коммунистической партии Советского Союза, организующей и направляющей силы советского общества", и так далее в том же духе. Но тогда подчинить старые профессиональные союзы, имевшие опыт борьбы с властью, было не так просто. Основное ядро рабочих и профсоюзные организации не согласились с тезисом о том, что профсоюзы должны утратить значение самостоятельных рабочих организаций и стать передаточным звеном между партией и народом. Многие профсоюзы, особенно профсоюзы, имевшие опыт борьбы, продолжали отстаивать свою независимость, разумно полагая, что при любой власти рабочим хорошо иметь свои организации, которые будут защищать права рабочих. Большевики не заявляли, что они против независимости профсоюзов, они заявляли, что в новых условиях понятие независимости *меняет свой смысл*. Один из известных большевистских деятелей Зиновьев*, выступая на первом съезде профессиональных союзов, на котором большевикам уже удалось собрать большинство голосов, говорил:

* Я цитирую его как выразителя доктрины большевиков, несмотря на то, что в 30-х годах он был уничтожен, но то, что он говорил в 20-х годах, было выражением мнения партии.

”Разумеется, мы также за независимость профессионального движения, но от буржуазии. Мы свергли власть буржуазии в тот момент, когда рабочий класс вместе с беднейшим крестьянством достиг того, что власть перешла к рабочему классу. Когда союзы наши являются частицей власти, какой же реальный смысл имеет независимость?” [39]

Вот этот тезис о том, что профсоюзы — это частицы власти, этот тезис был основным в том, что большевики в конце концов подчинили профсоюзы. Уже в первые годы после революции они различными способами навязывали профсоюзам выполнение различных государственных функций, устанавливали государственные льготы для членов профсоюзов и добились даже того, что профсоюзы начали участвовать в наказаниях рабочих за нарушение трудовой дисциплины. Практически, если профсоюзы начали хотя бы частично делить власть с государством, то они уже потеряли независимость от власти. И в конце концов в 30-х годах Всесоюзный Совет Профсоюзов был объединен с Наркоматом труда [40], и теперь эта ситуация стабилизировалась: профсоюзы действительно выполняют многие функции, которые должно было бы выполнять Министерство труда, если бы оно существовало в Советском Союзе. И теперь уже никого не удивят слова советских юристов о том, что профсоюзы и советское государство — однородные по своей классовой сущности организации и что они действуют совместно, решая под руководством партии общие задачи строительства коммунизма [41]. Теперь уже привычно, что профсоюзные организации совсем изменили смыслу своего существования и стали действительно частицей власти, но в 20-х годах было много решительных сторонников независимости профсоюзов, которые понимали, что делить власть — это значит терять независимость от власти. В первые годы после революции такую оппозицию большевикам составляли не отдельные деятели, а целые профессиональные

союзы, которые имели большой опыт борьбы с властью. В борьбе с такими профсоюзами большевики применяли различные методы, включая просто репрессии, но я укажу два интересных и, пожалуй, главных метода. Один метод — это создание параллельных союзов. В тех случаях, когда большевикам не удавалось посредством демократических выборов получить большинство голосов в правлении какого-то профсоюза, они просто создавали среди рабочих этой профессии маленький профсоюз с большевистским большинством и избирали свое большевистское правление, а затем различными способами добивались того, что этот новый маленький профсоюз вытеснял большой старый профсоюз, причем среди методов были также репрессии против руководства старого профсоюза. Вот как старый профсоюзный деятель России Гарви, человек, который был одним из первых крупных руководителей профсоюзного движения еще до революции, описывает завоевание большевиками московского союза печатников. Это был очень сильный союз и очень опытный союз рабочих, причем весьма оппозиционно настроенный, в частности, в связи с тем, что большевики вновь так же, как когда-то при царе, ввели цензуру печати. Гарви пишет:

”В Москве завоевание большевиками союза печатников происходило несколько иначе. В начале 1918 года выборы нового правления на основе всеобщего тайного голосования дали большинство сторонникам единства и независимости. Недовольные этим исходом референдума, большевики начали бешеную кампанию против нового правления, обвиняя его в ”саботаже социалистического строительства” и под конец создали и в Москве, путем раскола, ”Красный союз печатников”, который взял в свои руки ”Полиграфический Отдел Совнархоза”, ведавший всеми печатными заведениями. В отличие от Петрограда, Московский Совет Проф. Союзов не освящал раскольнической деятельности ”красных печатников”. Руководители Совета с Томским и Мельничанским во главе не решались открыто нарушить демократические принципы профдвижения. Несмотря на все уси-

лия большевиков, Красный союз печатников в Москве насчитывал едва 1½ тысячи членов, тогда как старый союз, руководимый сторонниками единства и независимости, фактически меньшевиками, объединял 16-17 тыс. членов. Осенью 1919 г. под давлением московского Совета профсоюзов была образована паритетная комиссия из представителей обоих союзов для выборов путем всеобщего и тайного голосования общего правления объединенного союза печатников. В результате голосования, произведенного в конце 1919 г., было избрано новое правление, в котором на 25 человек было только 6-7 большевиков. 25-го мая 1920 года московским союзом печатников было устроено историческое общее собрание печатников с участием приехавшей в Москву английской рабочей делегации, на котором истинные чувства и оппозиционные настроения московских печатников были выражены с не оставлявшей места для сомнений ясностью. Вскоре после этого собрания вооруженный отряд чекистов под командой руководителей бывшего красного союза печатников занял помещение московского союза печатников, члены правления которого в ту ночь были арестованы по домам (А.Ф. Девяткин, Н.И. Чистов, Ципулин, Буксин, Романов и др.). Так закончилось завоевание большевиками московского союза печатников”.

Добавлю еще к этому, что когда английская рабочая делегация приехала в Россию, то руководящие деятели большевиков заверили английских рабочих, что они могут свободно общаться с советскими рабочими и никто не будет репрессирован за общение с английской делегацией. Это информация, которую всегда полезно знать иностранцам. И таким же способом, как союз печатников в Москве, по той же тактике было ликвидировано много старых профессиональных союзов.

Был еще метод покорения старого независимого профсоюзного движения, более постепенный, но не менее действенный. Дело в том, что это были годы экономической разрухи, годы сильного голода, и любая льгота была для людей весьма привлекательной и иногда спасала жизнь. Время было тем более трудное, что очень много

народа из деревень, разрушенных войной или истощенных голодом, бежало в город в надежде найти работу и пищу. Эти бывшие крестьяне без какого-либо опыта рабочей профсоюзной деятельности и без какого-либо понимания проблем рабочего движения устраивались на заводы и пополняли число рабочих, и в некоторых местах их было больше, чем старых рабочих. Власти же постепенно ввели правило, что все рабочие должны быть членами профсоюза: доходило до того, что членские профсоюзные взносы взымались автоматически через заводскую кассу при выдаче зарплаты, т. е. в профсоюзах оказалась масса людей, совершенно не связанных с идеями профсоюзного движения и в общем совершенно безразличных к судьбе профсоюзного движения. Это было голодное время, и этих людей больше интересовали продуктовые льготы, которые предоставлялись тем, кто формально был членом профсоюза. В результате старое ядро профсоюзного рабочего движения растворилось в массе совершенно случайной публики, безразличной к судьбе профсоюзного движения и во всяком случае не понимавшей основных проблем и старых принципов профсоюзного движения. Эта тактика заполнения профсоюзов безразличной публикой была весьма успешна, и вскоре большевики добились того, что рабочие стали безразличны к тому, существуют профсоюзы или нет, и в результате этого профсоюзы стали послушным орудием властей. Это безразличное отношение публики к профсоюзам укоренилось, и теперь люди относятся к профсоюзам, в общем, довольно иронически и вспоминают о профсоюзах, когда нужно получить плату за пропуск работы по болезни или получить путевку в санаторий. И хотя, согласно закону, профсоюзные органы на местах проводят какую-то работу, наблюдая, чтобы произвол местной администрации не вредил правам рабочих, но это те функции, которые вполне могли бы выполнять органы Министерства труда, если бы такое существовало в Советском Союзе.

Может возникнуть вопрос, только ли большеви-

кам свойственен такой подход к профсоюзному движению, только ли условия России 1917-го и последующих годов вызвали такое отношение социалистической власти к независимости профсоюзов, или это свойство вообще такого социального строя.

У меня нет времени подробно в этом курсе сравнивать советские профсоюзы с профсоюзами в теперешних социалистических странах. Скажу лишь, что в восточно-европейских социалистических странах положение профсоюзов практически во многом подобно тому, которое теперь существует в Советском Союзе. Исключением является Югославия, в которой профессиональные союзы сохранили многие функции независимых рабочих организаций и даже иногда могут организовывать забастовки [37]. Но кроме социалистических государств, которые были основаны на доктрине классового разделения, классовой дискриминации, можно привести еще и пример социалистического государства, которое было основано на националистической доктрине, на национальной дискриминации, и я говорю сейчас о национал-социализме в Германии в 30-е годы*.

Я рассказал, как советская власть подчиняла себе профсоюзы, как репрессиям подвергались старые профсоюзные деятели, причем многие из них погибли в лагерях (это известно из многих источников). Я рассказал, как власть ввела обычай поголовного зачисления всех рабочих в профсоюзы и привлечение туда государственными льготами. Я рассказал о том, как правящая пар-

* То, что было в Германии в 30-х и начале 40-х годов, в советской литературе не принято называть социализмом, но сами нацисты называли себя национал-социалистами, и поскольку, вообще говоря, неизвестно, что такое социализм, то естественно социалистами называть тех, кто себя сам так называет. Говоря так, я не хочу скомпрометировать в представлении читателя идеи социализма: идей социализма очень много, они получили самые неожиданные и самые различные выражения в разных вариантах в разных странах, и не всем понравится, что германский нацизм я называю тоже социализмом, но, я думаю, многим социалистам не нравится и то, что ситуацию в Советском Союзе называют социализмом.

тия в Советском Союзе взяла на себя руководство профсоюзами и при этом профсоюзы это руководство признают в своем уставе, а теперь для сравнения этой тактики завоевания профсоюзов с тем, что было в национал-социалистическом государстве, я приведу цитату из приговора Нюрнбергского трибунала над деятелями нацистской Германии [28]:

"В своей решимости устранить все источники оппозиции руководители НСДАП обратили свое внимание на профессиональные союзы, церковь и евреев. В апреле 1933 года Гитлер приказал ныне умершему подсудимому Лею, который был тогда руководителем отдела кадров политической организации НСДАП, "взять на себя руководство профессиональными союзами". Большинство профессиональных союзов в Германии было объединено в две большие федерации — "свободные профессиональные союзы" и "христианские профессиональные союзы". В союзах, не входивших в эти две большие федерации, состояло только 15 процентов всех членов профсоюзов. 21 апреля 1933 г. Лей издал директиву НСДАП, объявлявшую о назначенной на 2 мая "акции по координации" против свободных профсоюзов. Директива предусматривала участие членов СА и СС в запланированном "захвате собственности профессиональных союзов и в помещении в превентивное заключение работников профсоюзов". По завершении этого мероприятия официальное пресс-бюро НСДАП сообщало, что национал-социалистические ячейки на предприятиях "устранили прежнее руководство свободными профсоюзами" и взяли руководство ими в свои руки. Подобным же образом 3 мая 1933 г. пресс-бюро НСДАП объявило, что "христианские профсоюзы безоговорочно отдали себя под руководство Адольфа Гитлера". Вместо профсоюзов нацистское правительство создало "германский трудовой фронт", контролируемый НСДАП, в который практически были обязаны вступать все рабочие Германии. Председатели союзов были взяты под стражу и подвергались жестокому обращению, которое включало все, начиная от физического насилия и побоев и кончая убийством."

Я говорил больше об истории подчинения профсоюзов и теперь немного скажу о современном положении, хотя это очень скучно. Пусть читатель имеет представление о том, кем сами себя считают профсоюзные деятели и как относятся к ним публика. Я уже говорил, что фактически профсоюзные органы выполняют функции Министерства труда, если бы такое министерство было в Советском Союзе. Но кроме этого, они, конечно, выполняют воспитательные функции для воздействия на публику и считаются общественными организациями. Хотя профсоюзы не являются независимыми, но тем не менее, скажем, когда на заводе проводится профсоюзное собрание, то на таких собраниях рабочие в общем часто высказываются довольно свободно и даже выступают в защиту своих прав, но только от злоупотреблений местной администрации. Рабочие могут иногда смело выступать с критикой администрации на таких собраниях, хотя это и бывает рискованно, потому что можно вызвать недовольство администрации. Однако попытки рабочих защитить свои права от нарушения их центральной властью, конечно, не будут иметь успеха, и их практически не бывает или они бывают необычайно редко, и даже критика рабочих в отношении местной администрации будет поддержана комитетом профсоюза только в том случае, если у них будет на это благословение партийной организации. Считается, что профсоюзы являются общественной организацией, не подчиненной государственной власти, однако, судя по тому, как много в законодательстве норм, обязывающих профсоюзы делать что-либо, видно, что профсоюзы подчинены государственной власти, и в известной мере это действительно частица власти. Часто даже нельзя четко видеть границу между государственной и профсоюзной собственностью: профсоюзы распоряжаются государственной собственностью, а бывает, профсоюзная собственность передается государству. [43]

Но для власти основное значение профсоюзов — в использовании их для воспитания публики. Недаром

говорится, что профсоюзы — это школа коммунизма. И профсоюзы признают такую свою роль. Вот что пишется в Уставе профессиональных союзов СССР (п. 3):

Член профессионального союза обязан:

а) честно и добросовестно трудиться, повышать производительность труда, бороться за создание материально-технической базы коммунизма, дальнейший подъем науки и культуры Советского государства, за выполнение производственных планов и заданий предприятием, цехом, бригадой, активно участвовать в социалистическом соревновании;

б) беречь и преумножать общественную, социалистическую собственность, как основу могущества и процветания Советской Родины и источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся;

в) всемерно содействовать укреплению оборонной мощи СССР, вести неустанную борьбу за мир и дружбу между народами;

г) строго соблюдать государственную и трудовую дисциплину, полностью и рационально использовать рабочее время для высокопроизводительного и продуктивного труда, бороться со всякими нарушениями трудовой дисциплины;

д) повышать политическую сознательность, общеобразовательный и культурно-технический уровень, производственную и трудовую квалификацию, овладевать техникой своего дела и передовыми методами труда;

е) проявлять бережливость и экономию, вскрывать недостатки в производственной работе и бороться за их устранение;

ж) бороться за укрепление здорового быта, против различных антиобщественных проявлений и других пережитков прошлого, соблюдать правила социалистического общежития;

з) посещать профсоюзные собрания, выполнять общественные поручения профсоюзных органов;

и) соблюдать Устав профессиональных союзов СССР, аккуратно платить членские взносы.

В Уставе, конечно, говорится и о правах членов профессионального союза. К правам относится и то, что члены профсоюзов получают больше пособий из средств государственного социального страхования по сравне-

нию с нечленами профсоюза. Они также в первую очередь получают путевки в дома отдыха, санатории и т. д. В Уставе перечислены некоторые другие мелкие льготы.

Я поступлю несправедливо, если не замечу, что формально система профсоюзной жизни построена на демократических принципах, есть выборы правления, есть право обжалования решений и т. п. Пожалуй, одно право, которое следовало бы предусмотреть, забыто в Уставе профсоюзов — это право выхода из профсоюза. Из профсоюза невозможно выйти по собственной инициативе, но вы можете добиться, чтобы вас исключили за желание выйти из профсоюза или за что-нибудь другое. Это очень странно, но большинство общественных организаций в СССР просто не предусматривают права выхода. Выход из профсоюза вообще не рассматривается как нелояльность, но это бывает чрезвычайно редко, чтобы человек сознательно отказался от членства в профсоюзе. Формально случаи выхода бывают часто: переходя на работу в другую отрасль промышленности, рабочий, строго говоря, покидает один профсоюз и вступает в другой — но этому не придают никакого значения: профсоюзный билет остается прежний и профсоюзный стаж, конечно, не прерывается.

В советском законодательстве о профсоюзах есть одна очень важная норма, на которую пока мало кто обращает внимание. И советская Конституция, и советское трудовое законодательство признают право трудящихся объединяться в профсоюзы. Это право гарантировано также международной Конвенцией о праве на ассоциацию, которую ратифицировал Советский Союз [44]. Это означает (хотя, повторяю, пока что никто не обращает на это должного внимания), что группа рабочих или служащих может организовать свой профсоюз, причем по закону профсоюз не должен регистрироваться в государственных органах, в отличие от многих других организаций граждан. Это значит, что, хотя государство подчинило себе существующую систему профсоюзов, рабочие и служащие, если они этого захотят,

могут создавать новые профсоюзы и вести себя независимо. Я не знаю, как реагировали бы власти на такой смелый эксперимент, но не исключено, что когда-нибудь такой эксперимент будет проведен. (Речь идет, конечно, не именно о создании независимого профсоюза рабочих, но о любой профессиональной группе, члены которой захотят коллективно защищать свои права, создав профсоюз.)

Вообще практически все объединения людей, все ассоциации в СССР подчинены государственному или партийному контролю, однако в последние годы в этой области были предприняты интересные эксперименты. Экспериментами занимались немногие люди, но тем не менее результаты этих экспериментов есть. Первый такой эксперимент был в 1970 году, когда в Москве был организован Комитет прав человека, причем вскоре этот Комитет был признан двумя международными организациями — Международной лигой прав человека в Нью Йорке и Международным институтом прав человека в Страсбурге. И хотя у этого Комитета с властями была некоторая дискуссия относительно того, законно ли создание такого комитета, но, судя по результатам этой дискуссии, можно считать, что власти поняли, что создание такого комитета было вполне законным: практически это была за 50 лет первая ассоциация, полностью неконтролируемая правительством или партией и притом признанная международными организациями. Потом была создана в Москве в 1973 году так называемая "Группа 73" для изучения проблем помощи политзаключенными. И этот эксперимент тоже был удачен с точки зрения осуществления права на ассоциацию, поскольку эта группа и не получила запрещения от властей, и, кроме того, признана Международной федерацией прав человека в Париже в качестве филиала. В последнее время в Москве была создана советская группа организации "Международная Амнистия".* Я отвлекся на эти три при-

* Одним из учредителей всех этих трех ассоциаций был московский физик Андрей Твердохлебов, который ныне за свою правозащитную деятельность сослан в Сибирь.

мера экспериментов в области права на ассоциацию, потому что за 50 лет в Советском Союзе все общественные ассоциации подчинены были контролю партии и государства и потому что есть реальная, признанная законом возможность организовать профсоюз, если только найдутся для этого желающие. И такой эксперимент был бы необычайно важен для развития правовой культуры общества, однако проблема как раз в том, чтобы нашлись желающие, тем более что это, конечно, связано с риском подвергнуться противоправным репрессиям со стороны властей.

Я говорил о воспитательной роли профсоюзов, и вы видели, сколько обязанностей предписано рабочим в области соблюдения коммунистической морали. К сожалению, профсоюзы выполняют не только воспитательные функции, по иногда даже полицейские и судебные функции. Я имею в виду организацию на предприятиях и в учреждениях, во многом с участием профсоюзов, товарищеских судов, которые разбирают дела о нарушении трудовой дисциплины, о плохом поведении в быту, например — пьянстве, причем часто прокуратура или суды передают мелкие уголовные дела в товарищеский суд. Кроме этой судебной функции, профсоюзы осуществляют функцию политического полицейского надзора за поведением трудящихся. Конечно, они здесь не выполняют главную роль, главную роль выполняют партийные, комсомольские и специальные организации, но я знаю случаи, когда профсоюзное собрание выносило резолюцию о том, что за неправильные политические высказывания человека следует привлечь к уголовной ответственности. Конечно, в большей степени это касается интеллигенции, поскольку среди рабочих меньше случаев систематического увлечения "неправильными" политическими высказываниями, во всяком случае, власти меньше внимания обращают на неортодоксальные речи рабочих сравнительно с интеллигенцией.

Одна из полицейских функций профсоюзов — выдача трудящемуся характеристики. Во многих случаях в

Советском Союзе рабочему или служащему приходится получать характеристику от предприятия, где он работает. Например, если человек собирается поехать за границу, то он должен представить в контору, которая выдает или не выдает визы, характеристику с места работы, и эта характеристика должна быть подписана руководителем предприятия, руководителем партийной ячейки и руководителем профсоюзного комитета (когда речь идет о визе в Израиль, обычно выдается характеристика, в которой сообщается о том, как человек работал, и говорится о том, как авторы характеристики возмущены предательским поступком этого человека)*. Бывает нужна характеристика также, если человека арестовали и будут судить: суд или прокуратура запрашивают характеристику с места работы. Вот пример характеристики на рабочего, который был арестован и ожидал суда за религиозную деятельность как баптист.

Производственная характеристика

ГУРОВ НИКОЛАЙ ТИМОФЕЕВИЧ, дипломированный эл. сварщик 7 разряда, работал на Сумгаитском заводе СК в цехе РТО с 1959 года по 21.10.68 года.

На протяжении всей рабочей деятельности в цехе РТО Гуров Н.Т. выполнял самые ответственные сварочные работы классных аппаратов и трубопроводов высокого давления.

Пользуясь доверием администрации цеха и коллектива рабочих, Гуров Н.Т. избирался на 2 срока членом цехкома цеха РТО и вел общественную работу по контролю общественного питания.

Гуров Н.Т. показал себя дисциплинированным, исполнительным, выполнял любые производственные задания качественно и в срок. Производственное задание выполнял на 125-130%.

По производственной необходимости Гуров Н.Т. неоднократно не покидал рабочего места по 2-3 суток. Административных взысканий не имел.

Гуров Н.Т., как верующий в бога, пропагандой на эту тему не занимался.

Печать	Нач. цеха РТО	(Исмаилов А.И.)
	Мех. отд.	(Кафаров Г.А.)
	Пред. цехкома	(Али-Гусейн А.Г.)

* В начале 1976 г. стало известно, что эмигранты более не должны предъявлять характеристику с места работы.

Очень интересна последняя фраза этой характеристики о том, что Гуров не занимался религиозной пропагандой. С одной стороны, может показаться, что это забота тех, кто подписал характеристику, забота о том, чтобы человека мягче судили, раз он не занимался религиозной пропагандой. Может быть, это и так, может быть, эту характеристику составляли добрые и заботливые люди. Но в то же время, даже если у них не было добрых намерений, они не могли бы писать иначе, потому что если бы они написали, что он занимался религиозной пропагандой, то партийное и профсоюзное начальство сказало бы: "Вы это знали, почему вы не сообщили раньше?" И это серьезная обязанность местного начальства, включая профсоюзное, — следить, чтобы никто не занимался религиозной пропагандой, причем по предприятиям и учреждениям, согласно распоряжению центральных властей, проводятся специальные атеистические мероприятия, проводится составление списков работающих на этом предприятии верующих [45]. В обязанность местных органов власти и общественных организаций входит проведение с такими верующими атеистических бесед; они должны также следить, чтобы те не заражали религией окружающих.

IV

Для защиты прав рабочих законом предусмотрены определенные процедуры. Прежде всего — это рассмотрение жалоб рабочих профсоюзным органом и комиссиями по урегулированию трудовых споров. Во многих случаях, когда спор не урегулирован этими органами, рабочий может обратиться в суд. Как и любые процедуры для урегулирования разногласий, эти способы защиты прав рабочих иногда приводят к удовлетворению претензий рабочих, иногда нет; несомненно, конечно, что во многих важных случаях рабочие добиваются таким образом защиты своих прав.

Есть, однако, одна важная особенность в том, что касается законных методов защиты прав рабочих в СССР, особенность, из-за которой не слишком интересно детально рассматривать эти методы здесь, в кратком изложении. Дело в том, что обычно самое большее, чего может добиться рабочий законными методами, это того, чтобы его права не нарушались существенно больше, чем права рабочих в сходных условиях. Если же рабочий потребует защиты тех прав, которые обычно принято нарушать, нарушать так, что все с этим смирились, — чаще всего его ждет неудача, разве что речь идет о таком нарушении прав рабочих на данном предприятии, которое является необычным для советских условий и является следствием каких-то злоупотреблений местной администрации, не одобренных вышестоящим начальством.

Тем более у рабочих в СССР практически нет никакой законной возможности защищать свои коллективные интересы прежде всего потому, что у рабочих нет независимого от государства представителя — по зако-

ну таким представителем является профсоюзный орган, но я уже говорил, что профсоюзы подчинены государственному и партийному контролю.

Конечно, существуют профсоюзные собрания, на которых можно выступать, причем лидеры профсоюзов избираются на собраниях, и, возможно, если бы у рабочих были традиции легальной демократической борьбы, они могли бы попытаться добиться такого положения, когда в профсоюзный орган были бы избраны действительно принципиальные защитники прав рабочих, не готовые подчиняться незаконным партийным и государственным требованиям. Но такие традиции не рождаются вдруг, они — результат коллективного опыта, накопленного за длительное время; я уже говорил, как большевики добились того, что историческая преемственность в этой области была разрушена. Естественно ожидать, что если бы и нашлись вдумчивые смельчаки, которые попытались бы возродить среди рабочих прежние традиции легальной профсоюзной коллективной защиты, то с такими смельчаками власть поступила бы в конечном счете так же, как со старыми профсоюзными лидерами в 20-х годах, то есть изолировала бы их, лишила бы их возможности влиять на рабочих.

Означает ли сказанное, что рабочие вообще лишены возможности коллективной защиты своих прав от централизованного притеснения? Нет, конечно. Гласная борьба заменяется негласным сопротивлением, законная, честная защита своих прав заменяется нечестным, иногда противозаконным уклонением от своих договорных обязательств. Такая практика коллективной защиты не содействует совершенствованию народной нравственности, но вообще сомнительно, что в масштабах целой страны нравственное поведение населения может сопутствовать систематическим противоправным притеснениям, от которых нельзя защититься законными методами.

Существенным облегчением для рабочих в их коллективной защите является то, что центральная власть, от

которой исходят наиболее важные ограничения прав рабочих, не в состоянии контролировать в конкретных случаях отношения местного начальства и рабочих. Между тем, целью местного начальства все же не является именно ограничение прав рабочих; его цель — обеспечить нормальный производственный процесс или хотя бы исполнение плановых заданий по выпуску продукции. Именно для этой цели местное начальство готово *ограничивать* права рабочих, но оно же готово и *защищать* их права, готово давать посильные льготы, лишь бы рабочие обеспечили выполнение плана. Известно много случаев, когда начальство добивалось для рабочих улучшения условий даже вопреки закону или требованиям вышестоящего руководства — из простых прагматических соображений: иначе не удалось бы обеспечить выполнение производственных заданий.

Далеко не всегда начальству удается добиться желаемого улучшения условий для рабочих, даже тогда, когда это — законное улучшение. В этом смысле между начальством и рабочими есть какое-то взаимопонимание, ибо и те, и другие далеко не всегда могут добиться того, чего они хотят. Представьте себе, что, скажем, сварщики говорят: "Нам уже несколько месяцев не выдают новую спецодежду, а старая у нас вся обгорела, нам плохо работать в такой одежде". Начальство соглашается с этим требованием, это требование справедливо, но у начальства ограниченные возможности в том, чтобы достать новую спецодежду. И начальство, и профсоюзный деятель могут сказать: "Ребята, мы прекрасно понимаем, но нам обещали прислать спецодежду в прошлом месяце и не прислали; мы написали письмо в ту организацию, которая должна прислать. Они сказали, что не смогут еще несколько месяцев прислать. Придется подождать". И рабочие будут ждать, и это считается совершенно нормальной ситуацией.

Есть много методов самозащиты рабочих и без помощи начальства. Я уже рассказывал об указе 1940 года, согласно которому уголовным преступлением считал-

ся переход без разрешения начальства с одного места работы на другое. И я высказывал предположение, что причиной такого указа было то, что рабочие использовали нехватку рабочей силы и уходили с тех предприятий, условия работы на которых им не нравились. Этот метод используется до сих пор, тем более что теперь, хотя таких рабочих как-то преследуют, все-таки это не считается уголовным преступлением. Конечно, возникает вопрос, а где же рабочие находят лучшие условия работы, если при их квалификации на всех предприятиях условия более или менее одинаковые и зарплата централизованно установлена. Оказывается, однако, что те централизованные нормы, которые устанавливают правительственные органы, далеко не всегда реально действуют на практике. Начальство заводов, стремясь обеспечить лучший ход производства, придумывает разные методы для того, чтобы улучшить положение рабочих, вопреки указаниям центральной власти и вопреки тем нормам, которые централизованно продиктованы. Начальство вынуждено это делать, потому что если оно будет строго придерживаться централизованных жестких норм оплаты труда, то рабочие будут уходить с этого предприятия, будут хуже работать, будут выдумывать разные причины того, почему они не работают, и если это не крупное предприятие с конвейерным производством, то с рабочим спорить очень трудно: он всегда найдет массу причин в объяснение того, почему что-то не сделано. И если рабочие будут очень недовольны условиями своей работы, то станки будут ломаться чаще, чаще будет не хватать запасных частей, больше будет выпускаться бракованных изделий и т. п. А если они более или менее удовлетворены и если они надеются, что за лучшую работу получают больше, то даже если станок действительно сломается, они найдут способ починить его быстрее, чтобы работа не останавливалась, и найдут неведомо где запасные части. И начальство, и центральная власть понимают это и стараются заинтересовать рабочих тем, что за лучшую рабо-

ту рабочие получают больше. Это не всегда возможно в легальных пределах, и иногда начальство придумывает различные способы, как заплатить рабочему больше денег вопреки централизованным нормам. Наиболее распространенный метод — это учет большего количества работы, чем на самом деле выполнил рабочий. Конечно, это труднее делать там, где выработка нормирована, и нельзя сказать, что рабочий выпустил 500 деталей, в то время как он выпустил 50 деталей. Но обычно цеховой мастер всегда может написать, например, что станок сломался три раза и рабочий чинил его три раза и за это должен получить больше, в то время как станок не ломался ни разу.

Подобные лживые методы улучшения положения рабочих необычайно широко распространены, и иногда начальство заходит слишком далеко в оформлении таких фиктивных нарядов, так что высшее начальство вынуждено бывает разоблачать местное начальство, и начинается скандал, начинается критика, а то и судебное дело. При этом довольно распространенными являются так называемые приписки к отчетам о выполнении плана, когда начальство, давая отчет, пишет, что сделано работы гораздо больше, чем на самом деле. Такие приписки выгодны начальству и в том смысле, что оно получает премию за выполнение плана, и выгодны также тем, что оно может платить рабочим больше, чем за действительную работу. В 50-х годах центральная власть заметила, что это явление распространилось необычайно широко, и в Уголовный кодекс была введена специальная статья об уголовном наказании за приписки к отчетам [46]. Но в данном случае имеет место круговая порука: более высокому начальству не выгодно обвинять низшее начальство в приписках к плану, ведь если уж дойдет дело до скандала, то высшее начальство ответственно за плохой подбор руководящих кадров. К тому же часто более высокому начальству эти приписки также выгодны, и вполне возможно, что оно даже увеличит эти приписки в своем отчете, так что

обычно ситуация такова, что высшее начальство покрывает низшее начальство, так что все связаны общим грехом.

Судебные дела о приписках к отчетности теперь, по видимому, не очень часты, и этим больше грозят, чем преследуют на самом деле. Я уточню, что в Уголовном кодексе содержится статья не только о приписках к отчетности, формулировка ее предусматривает искажение отчетности вообще. Дело в том, что в некоторых случаях начальству выгоднее в отчетах писать меньшие цифры, чем было на самом деле. Это хитрая бухгалтерия: иногда начальство соображает, что если план перевыполнен, то оно уже получит премию, а часть продукции по выполнению плана можно не вносить в отчетность, а оставить, чтобы внести в отчетность на будущий год и обеспечить себя таким образом перевыполнением плана и на будущий год. Иногда такое искажение бывает связано также с тем, что в этом году достигнута какая-то экономия, но есть риск, что на будущий год экономии не будет, а, наоборот, будет недостаток: выгодно об экономии нигде не писать, а утаить эти цифры на всякий случай.

Даже рискуя уголовным преследованием, начальство вынуждено идти на всякие махинации, чтобы обеспечивать успешную работу предприятия: ведь можно заставить работать какого-нибудь особо сознательного рабочего, но среднего рабочего заставить работать, когда он этого совсем не хочет, когда ему это совсем невыгодно, на практике оказывается часто невозможным — это очень упрямое существо.

На одной из прежних лекций меня спрашивали, бывают ли в России итальянские забастовки. Я сказал, что в основном бывают русские забастовки. Это очень просто. Например, в цехе испортился станок, вызывают слесаря, чтобы починить станок. Через час мастер приходит и спрашивает, починен ли станок. Слесаря сидят и курят. Он спрашивает, почему не починен станок. Ответят: "Мы ходили в кладовую инструмента, там закрыто,

а нам нужен инструмент, чтобы починить станок". Мастер идет в кладовую, берет инструмент и дает им. Он придет через час, и они опять будут сидеть и курить и на вопрос, почему не починен станок, скажут, что нужен болт, а болта нет, а они ходили за токарем, который может сделать этот болт, а токарь сегодня болеет, и т. д. Это бесконечный процесс, причем рабочие вовсе не придумывают каких-то невероятных причин. Все причины вполне естественны. И действительно кладовая была закрыта в неурочный час или там не было нужного инструмента. И действительно им нужен болт, они ходили к токарю, а токарь напился пьяным и ушел домой. Придумывать ничего в таких случаях не приходится.

Но у рабочего есть свой личный инструмент, и любой болт механик может сам выточить, ему не надо ждать пьяного токаря. И любой опытный мастер знает, что для того, чтобы рабочие перестали курить, нашли инструмент, нашли болт и починили станок, нужно просто написать, что они починили два станка. Опытные мастера так и поступают, и работа у них идет хорошо. Есть много смешных случаев, когда инженер, только что кончивший институт, приходит на производство и оказывается не в состоянии найти общий язык с рабочими, не понимает, что там вообще происходит, и ничего не может добиться. Пока он не поймет, что нужно разрешать себя обманывать, пока не поймет, что нужно выписывать фиктивные наряды, рабочие будут как угодно издеваться над ним, но работа не будет двигаться. Я говорил о механиках, но каждая профессия имеет свою культуру обмана начальства. И опытное начальство хорошо знает эти способы обмана и в разумных пределах потакает этому обману.

Это пример того, как отсутствие легальных процедур для защиты рабочими своих прав приводит к изобретению нелегальных процедур и в конечном счете приводит к распространению в обществе лжи и лицемерия. Помимо вот такого целенаправленного безделья, без-

деля с целью заставить начальство выписывать более выгодные наряды, более выгодную зарплату, существует просто безделье на многих предприятиях. В известной мере это следствие и плохой организации труда, и отсутствия легальных процедур защиты прав рабочих, но это не относится прямо к моей теме. Начальство понимает многие проблемы, пытается бороться с такими самовольными попытками рабочих защищать свои права нелегальными процедурами. И начальство одновременно соглашается потворствовать таким нелегальным методам, но в то же время пытается как-то с помощью общественных собраний, с помощью идеологической работы, с помощью организации трудового соревнования с этими методами бороться. И начальство, особенно централизованное начальство, усиливает контроль над тем, насколько реален тот труд, за который рабочим платят деньги, усиливает идеологическую работу, организует различные трудовые рекорды, чтобы как-то возбудить рабочих, активизирует деятельность общественных организаций, таких как партия, комсомол и профсоюз.

Одновременно начальство борется с алкоголизмом среди населения и, в частности, среди рабочих, причем в последние годы эта борьба стала особенно активной, вплоть до того, что при всех местных органах власти созданы комиссии по борьбе с пьянством. Создана даже комиссия по борьбе с пьянством при Совете Министров РСФСР. Особенное внимание уделяется тому, чтобы рабочие не пьянствовали во время работы, потому что пьянство на работе очень сильно содействует и безделью и понижению производительности труда и умножает аварии. В советских магазинах, например, запрещено продавать спиртные напитки до 10 часов утра, т. е. пока рабочие не уйдут на работу. Но всегда есть, конечно, черный рынок, где рабочие могут приобрести утром водку. На многих заводах устраиваются почти обыски рабочих, чтобы они не вносили на завод водку, и недавно газета "Известия" опубликовала очень инте-

ресную статью о том, как один рабочий был оскорблен тем, что в проходной утром его вахтер ощупывал, не несет ли он с собой водку, и ушел в знак протеста с этого завода [47]. Советскому журналисту, который писал об этом, поведение этого рабочего понравилось, он считает такие обыски тоже незаконными, но я думаю, что его мнение не изменит ситуации, которая существует на многих заводах. Но можно восхищаться этим рабочим, который проявил такое сильное чувство собственного достоинства, потому что обычно в таких случаях рабочие озабочены больше тем, чтобы придумать более удобную посуду для водки, чтобы при ощупывании эта посуда была не замечена. И многие механики на заводах изготавливают и продают друзьям плоские или вогнутые фляжки, которые кладутся в карман и которые менее заметны при ощупывании, — техника, которая издавна была известна контрабандистам.

Хотя почти на всех предприятиях в большей или меньшей степени практикуются разные методы нелегальной защиты рабочими своих прав, но все же для многих рабочих оказываются слишком тягостными условия работы на современном предприятии с более или менее жестким нормированием условий труда, с сильной зависимостью от коллектива и начальства.

Некоторые находят выход: есть довольно многочисленный слой рабочих, которые предпочитают работы на временных и сезонных работах. Они предпочитают работать где-то на строительстве в отдаленной дикой местности, или шоферами в геологической экспедиции, или на любой другой сезонной работе. В таких местах меньше идеологического давления, в таких местах легче ставить свои условия начальству. Например, когда шофер работает в очень трудных условиях, например, в пустыне, он получает в несколько раз больше, чем он получал бы, если бы ездил по нормальным дорогам: во-первых, он получает надбавку за трудные условия работы, а во-вторых, начальство, чтобы удержать его, пишет ему, что он проехал гораздо больше километров, чем

на самом деле. Во время своих путешествий я встречал много таких принципиально сезонных рабочих, это очень интересная публика, по психологии весьма отличная от среднего советского рабочего, многие из них имеют уголовное прошлое, многие просто не любят сидеть на одном месте и предпочитают свободную жизнь. Они мирятся с очень тяжелыми бытовыми условиями, но зато они чувствуют себя в какой-то мере свободнее других.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Комментарий к законодательству о труде, М.1975.
2. "Ленин о профсоюзах", Профиздат, 1957.
3. Краткий словарь-справочник по вопросам труда и заработной платы
4. "КПСС о профсоюзах", Профиздат, 1974.
5. "Советское трудовое право", указатель литературы 1917—1969, Казанский университет, 1971.
6. Юридический словарь под ред. С.Братуся и др., М.1953.
7. Юридический словарь под ред. П.Кудрявцева, М. 1956.
8. В.Чалидзе, Права человека и Советский Союз, изд. "Хроника", Нью Йорк, 1974.
Английский перевод: V. Chalidze, To defend these Rights, Random House, New York, 1974.
9. Кодекс законов о труде, 1922.
10. Кодекс законов о труде, 1918.
11. "Континент" № 1,
12. Декрет СНК 14 мая 1919 г., СУ РСФСР, 56, 1919.
13. Энциклопедия государства и права под ред. П.Стучка, 1930. Ст. "Стачка".
14. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г., ст. 58-7.
15. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г., ст. 58-14.
16. Уголовный кодекс РСФСР, ст. 190-3.
17. См., например, Н.Горбаневская, Полдень, и сборник "Правосудие или расправа" под ред. П.Литвинова.
18. М.И.Бару, Охрана трудовой чести по советскому законодательству, М. 1966.
19. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г.
20. Там же, ст. 5.
21. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1956 г.
22. "Социалистическая законность", 1940, 9, 1. "Беспо-

- шадно карать прогульщиков и их покровителей.”
23. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. о государственных трудовых резервах.
 24. "Хроника защиты прав в СССР", вып.15, Нью Йорк, 1975. Дело Ващенко.
 25. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, "Сборник законов СССР", т.3, М. 1971.
 26. Конвенция относительно дискриминации в области труда и занятий 1958 г., рат. СССР в 1961 г., опубли.: "Сборник действующих договоров...", вып. 22.
 27. "Юность" № 11, 1973, стр. 79.
 28. "Нюрнбергский процесс", т.7, стр. 319, М. 1961.
 29. И. Александров, Г.Москаленко, Советское трудовое право, учебник юридических школ, М. 1947.
 30. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР "О мерах по обеспечению уборки урожая и заготовок сельскохозяйственных продуктов в 1973 г.", "Известия", 5 мая 1973 г.
 31. "Трудовое право", энциклопедический словарь, М. 1969.
 32. "Третий семестр", Молодая гвардия, М. 1975.
 33. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР "О внесении изменений в статью 209 УК РСФСР", "Ведомости Верховного Совета РСФСР", 33, 1975.
"Хроника текущих событий", вып. 37. Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР "О порядке применения статьи 209 УК РСФСР."
 34. "Хроника защиты прав в СССР", вып. 8, стр. 32.
 35. Бюллетень Верховного суда РСФСР, 12, 1964, стр.14. Дело Столяровой.
 36. "Издательское дело в первые годы советской власти (1917-1922)", сборник документов и материалов, М. 1972.
"Законы о печати", сост. Н.Николаев, Госиздат (20-е годы).
"Основные директивы и законодательство о печати", сост. Л.Фогелевич, ОГИЗ, 1935.

37. Доклад Комиссии по правам человека ООН "Исследование вопроса об осуществлении экономических, социальных и культурных прав". Часть III "Социалистические страны Восточной Европы", документ № E/CN. 4/1108/Add. 3, 1973, стр. 88.
38. Устав профессиональных союзов СССР, Профиздат, 1968.
39. П.Гарви, Профессиональные союзы в России, Нью Йорк, 1958, стр. 36. .
40. Постановление ЦИК, СНК СССР и ВЦЕПС от 23 июня 1933 г.
41. См., например, "Советское трудовое право" под ред. Н.Александрова, М. 1972.
42. См. [39] , стр. 50.
43. "Советское государство и профсоюзы" под ред. Н. Александрова, МГУ, 1965, стр. 274 и далее.
44. Конвенция № 87 МОТ "Относительно свободы ассоциаций и защиты права на ассоциацию", "Сборник действующих договоров...", вып. 19.
45. "Хроника защиты прав в СССР", вып. 8, 1974.
46. Уголовный кодекс РСФСР, ст. 152-1.
47. Г. Комраков "Дорога от проходной", "Известия", 18 января 1974 г.

\$ 3. 00

ТОГО ЖЕ АВТОРА

Права человека и Советский Союз — изд. "Хроника", 1974 г. (По англ.: **To defend These Rights**, Random House, 1974, в Англии: Collins and Harvill Press, 1975).

Soviet court and human rights — American Bar Associations, 1975.

Уголовная Россия—очерки преступности в СССР—*в печати*

ПОД РЕДАКЦИЕЙ АВТОРА

"Общественные проблемы", сборник избранных текстов Самиздата, вып. 1-15, 1969-1972, Самиздат.

"Хроника защиты прав в СССР" (совместно с Э. Клайном, П. Реддавеем и П. Литвиновым), вып. 1-21 на русском и английском языках (издание продолжается). Изд. "Хроника", Нью Йорк, 1973-1976.

Андрей Твердохлебов — в защиту прав человека, сборник, изд. "Хроника", 1975.

Литературные дела КГБ, сборник, изд. "Хроника", 1975.